

проверить, не проникает ли подпочвенная вода в подвалы.

Гальт. Кто вас впустил? Кухарка?

Высокий. Нет, сам профессор.

Гальт. Не чинил препятствий?

Высокий. Нет, господин инспектор. Сказал, чтобы мы делали все, что нам угодно.

Гальт. Так прямо и сказал? И что?

Высокий. Как вы приказали, мы пробили отверстия в бетоне во всех подвалах. В гараже тоже.

Низкий. Всего семьдесят дыр, господин инспектор. Чуть руки не отвалились.

Гальт. Это к делу не относится. Нашли что-нибудь? Останки, кости?

Низкий. Только куриные. Крылышко и кусочек грудки. Наверное, собака затащила.

Гальт. Не прикидывайтесь идиотом! Вы знаете, о чем я говорю.

Высокий. В подвалах не было ничего. Земля и земля. Немного камней. Несколько гладких... в-от, я прихватил один... (Вынимает из кармана и кладет на стол)

Гальт. Сувенирчики собираете? А в гараже?

Низкий. А в гараже был очень толстый бетон...

Гальт. Не доводите меня до... Нет! Мне нельзя волноваться. А что было под бетоном? Никаких трупов?

Высокий. Никаких.

Гальт. Остатки сожженных волос? Одежды? Зубы?

Низкий. Нет, господин инспектор...

Гальт. Тогда, может быть, скажете, куда девались одиннадцать парней, здоровых, сильных как быки? А? Может, испарились? Растворились в воздухе?

Низкий. Не знаем, господин инспектор. Мы сделали все; как вы приказали.

Гальт. Стены простучали?

Высокий угрюмо кивает.

Гальт. Потолки?

Низкий. Потолки тоже.

Стук в дверь. Входит Агент, одетый работником телефонной станции. Небольшой аппарат, моток провода, форменная фуражка.

Гальт. Вы можете идти.

Агент (довольно развязно). Добрый день, господин инспектор.

Гальт. Привет! Вы от профессора?

Агент. Да, инспектор.

Гальт. И ничего?

Агент. Не знаю, ничего ли...

Гальт. Как это понять?

Агент. Я должен был якобы проверить телефон. Профессор сам облегчил мне задачу, спросив, можно ли поставить дополнительную телефонную розетку в спальне. Я сказал, что должен точно вымерить.

Гальт. Ага! И произвели осмотр?

Агент. В пределах возможного. У него в стене несгораемый шкаф.

Гальт (с некоторым оживлением). Несгораемый? Ну вот, пожалуйста. Большой?

Агент. Вот такой. (Обозначает руками довольно маленький ящичек.)

Гальт (грустнеет). Так туда и один-единственный труп не войдет?

Агент. Нет.

Гальт (с последней надеждой). Но, может, после сожжения?

Агент. Этого я не знаю. А зачем бы ему держать пепел в сейфе?

Гальт. Ну, ладно, ладно. И что же вы нашли?

Агент. Прежде всего вот это... (Подает Гальту парик а-ля Людовик XVI.)

Гальт. Это? (Рассматривает парик.) Обычный парик... (Нюхает.) Где нашли?

Агент. На шкафу, под старыми газетами.

Гальт. Что-нибудь еще?

Агент. Да. Вот это. (Подает Гальту альбом. Там - фотографии большого

формата. На них лица молодых людей, по одному на каждой – во все поле карточки. К бритым, гладким лицам на каждой фотографии дорисованы то эспаньолка, то бакенбарды, то саженная борода и закрученные тонкие усы, то длинные завитые локоны. Подрисовано простым карандашом; похоже, что это делал ребенок.)

Гальт. Так. А это где нашли?

Агент. Тоже на шкафу.

Гальт. Что еще?

Агент. А этого мало?

Гальт. И что нам это дает?

Агент. Но ведь это же фотографии всех исчезнувших!

Гальт. Я и сам вижу. И что? Я должен отдать приказ об аресте на том основании, что склеротик-профессор подрисовывает усы и бороды на фотографиях своих ассистентов?! Если я пойду с этим к прокурору, он меня высмеет!

Агент. Но есть еще парик.

Гальт. Парик? Парик... Какая у него с этим связь? Возьмите его в лабораторию на анализ. Или нет – лучше потом. Я его еще раз осмотрю.

Агент. Так я загляну через час.

Когда Агент выходит, Гальт рассматривает парик со всех сторон, наконец, натягивает его, словно примеряя, на голову. Входит полицейский. Гальт быстро сдергивает парик.

Полицейский. Приехал старший инспектор Альфен. А вот сегодняшняя почта. (Кладет на стоя газеты.)

Гальт. Проси, проси!

Входит молодой, коренастый старший инспектор Альфен.

Альфен. Ну, как вы тут, Гальт? Что это за история, с которой вы никак не разделаетесь?

Гальт. Садитесь, Альфен! Рад, что вы наконец приехали.

Альфен. Раньше не мог. Мы вешали того убийцу старушек, знаете. Слышали, что он делал? Чудовище. Брал кусок воска, швейную иглу, дратву...

Гальт. Что бы он ни делал, Альфен, он ничто в сравнении с этим профессором Тарантогой, уверяю вас!

Альфен. Даже так? Я не знаю подробностей. Может быть, вы вкратце расскажете?

Гальт. Пожалуйста. Время от времени в печати появляются объявления. Например, такие (вынимает вырезку из газеты и читает): "Известному ученому срочно требуется личный секретарь. Молодой, идеалист, холостой, не имеющий родственников, интересующийся наукой, среднего роста, с продолговатым лицом, орлиным носом, возможно более темными глазами. Преимущество предоставляется лицам, владеющим итальянским языком и имеющим высшее образование. Прекрасные материальные условия, в перспективе – прочное место в истории человечества. Обращаться по адресу..." – и так далее.

Альфен. Говорите, время от времени. И много было таких объявлений?

Гальт. До сих пор одиннадцать. Первое появилось семь месяцев назад.

Альфен. Они появляются через определенные промежутки времени?

Гальт. Не обязательно. Иногда через неделю, иногда через несколько месяцев. Объявления эти дает некий Тарантога, профессор физики, космологии и чего-то там еще. Обычно откликается несколько молодых людей. Он выбирает одного, дает ему комнату, высокий оклад, а спустя некоторое время так называемый "секретарь" исчезает.

Альфен. Каким образом?

Гальт. Понятия не имею. Просто в один прекрасный день перестает существовать.

Альфен. И профессор заявляет в полицию?

Гальт. Что вы! Просто дает очередное объявление!

Альфен. И все начинается сызнова?

Гальт. В том-то и дело. Поначалу мы ничего не знали. Только после пятого исчезновения этим заинтересовался один из соседей профессора. Дело в том, господин Альфен, что напротив Тарантоги живет Бруммер, судья на

пенсии. От нечего делать он начал в бинокль наблюдать за домом Тарантоги, и от него-то мы узнали, что обстоятельства исчезновения всегда одинаковы. В один прекрасный день новый ассистент входит в дом – я имею в виду виллу профессора, тут есть ее фотография (подает) – и больше уже не выходит.

Альфен. Вы предполагаете убийства?

Гальт. Преднамеренные, систематические, массовые. Да.

Альфен. Хм... А что, все объявления сформулированы одинаково?

Гальт. Нет. Можете посмотреть. В этой папке вырезки. Иногда он ищет художавого и высокого, знающего латынь, иногда выпускника физического факультета со склонностью к полноте, иногда лысеющего, с легким косоглазием...

Альфен. Вы шутите?

Гальт. Мне, Альфен, не до шуток! Тут написано черным по белому!

Альфен. Вы провели обыск?

Гальт. Официально – нет. Нет основания. Но я посылал туда тайных агентов, переодетых под кого только можно. Под строителей, печников, ассенизаторов, телефонистов, электриков и уж сам не знаю под кого. Как раз сегодня вернулись три группы. Прежде всего мы взяли под наблюдение жилую часть. Стены, полы, мебель, канализацию. Потом сад, погреб, чердак, гараж...

Альфен. И какие результаты?

Гальт. Никаких. Ни следа трупов. Ничего. Абсолютно ничего.

Альфен. Личные вещи исчезнувших?

Гальт. Ни следа. Впрочем, у них вообще бывало немного вещей. Чемоданчик, в нем мыло, зубная щетка, пара сорочек. Это в основном выпускники или студенты...

Альфен. А чем, собственно, занимается ваш Тарантога?

Гальт. Не знаю. У него есть домашняя лаборатория, рядом – небольшая закрытая комната, в которую невозможно проникнуть. Дверь покрашена в черный цвет...

Альфен. Ага! Запретная комната! Что в ней?

Гальт. Дверь открыть не удалось. Четыре специальных цифровых замка.

Альфен. Может, там у него большой холодильник?

Гальт. Я об этом уже думал. Нет, видите ли, окно комнаты выходит на улицу как раз напротив дома судьи Бруммера. Туда можно заглянуть через бинокль. Кроме того, под предлогом ремонта уличных фонарей мы установили напротив дома Тарантоги пожарную лестницу с агентом, который четыре дня не спускал с комнаты глаз.

Альфен. И что?

Гальт. Всю комнату через окно не видно, но часть, недоступная наблюдению, сравнительно невелика. Вот план (показывает). Заштрихованную часть можно видеть через окно. А вот этот угол не видно. В нем не уместится никакой холодильник. Самое большое – какая-нибудь маленькая мельничка.

Альфен. Для перемалывания костей?

Гальт. Да. Время от времени профессор входит в комнату, опускает штору, спустя несколько минут поднимает ее и выходит.

Альфен. Он бывает там один?

Гальт. Иногда один, иногда с секретарем.

Альфен. Секретарь тоже выходит из комнаты?

Гальт. В то время, когда мой человек наблюдал за домом, он выходил живым и невредимым. Но я не мог, сами понимаете, держать агента на лестнице до бесконечности. А дом судьи расположен так, что дверь комнаты полностью не просматривается, даже в бинокль.

Альфен. Одним словом – ничего не известно.

Гальт. Ничего. То есть... сегодня один из моих людей принес мне вот это. И это (подает Альфену парик и альбом). Нашли на шкафу в спальне.

Альфен (рассматривая парик в лупу). Хм... Совершенно новый. Интересно...

Гальт. Что?

Альфен. Это не театральный парик...

Гальт. Вы думаете?

Альфен. Уверен. Тонкая работа. Надо узнать, где профессор его заказывал. Может быть, он заказывал и другие. Ага... (Просматривает

альбом.) Это и есть исчезнувшие?

Гальт. Да.

Альфен. Кто это намазюкал?

Гальт. Думаем, профессор.

Альфен. Его телефон прослушивается?

Гальт. Конечно. Но он почти не пользуется телефоном. К тому же - никаких подозрительных разговоров.

Альфен. Живет один?

Гальт. Со старухой кухаркой.

Альфен. Какой-нибудь старый колодец в саду?

Гальт. Альфен, за кого вы меня принимаете?! Мы прощупали все газоны на четыре метра вглубь, бетон в гараже и погребах пробит через каждые полметра, стены и фундамент просвечены переносным рентгеном!

Альфен. Солидная работа. И ничего?

Гальт. Абсолютно!

Альфен. Профессор препятствовал?

Гальт. Нисколько.

Альфен. Очень подозрительно...

Гальт. Вы так думаете?

Альфен. Конечно. Вы позволяли бы беспрерывно портить стены и пол в своей квартире?

Гальт. Действительно. Нет, он совсем не мешал. А на прошлой неделе, когда мой агент, переодетый печником, проверил все печки и уже собрался уходить, профессор сказал ему, что он пропустил старый, давно бездействующий камин в прачечной...

Альфен. Что вы говорите? Превосходно!

Гальт. Что же тут превосходного?

Альфен. Неужели не понимаете? Да он издевается над вами! Смеется прямо в глаза. Провоцирует...

Гальт. Вы думаете - он унюхал? Догадывается?..

Альфен. Готов побиться об заклад. Ну так. Постепенно я начинаю представлять себе, как все это выглядит...

Гальт. Да неужели?

Альфен. Но сначала еще несколько подробностей. Вы пытались связаться с кем-нибудь из этих юношей, прежде чем они исчезала?

Гальт. Да. С последним. Это был некто Ричард Факстон, выпускник физического факультета. Ему требовались средства на дипломную работу, поэтому он и согласился. Я беседовал с ним лично. Предупредил о необходимости сохранять абсолютную тайну. Он уже четыре дня работал у профессора.

Альфен. Вы его предостерегали?

Гальт. Разумеется. Он должен был ежедневно сообщать по телефону, что все в порядке. Я приказал ему быть начеку и дал оружие.

Альфен. Оружие? Хорошо. И что?

Гальт. Первые четыре дня он не замечал начет подозрительного. Потом звонил ежедневно. Он был в прекрасном настроении, шутил.

Альфен. Не боялся? У него не было желания отказаться от своей должности?

Гальт. Ни малейшего. Сказал, что он вице-чемпион по джиу-джитсу в университетском клубе, спит чутко, дверь закрывает на задвижку, ест только то, что ест профессор, а кроме того - доверяет ему.

Альфен. Любитель риска?

Гальт. Я бы не сказал. Очень выдержанный, решительный, спокойный тип. Он сказал, что успел полюбить Тарантогу и не верит, чтобы тот мог кого-либо убить. Его просто распирало от любопытства...

Альфен. Он и сейчас у профессора?

Гальт. Нет. Исчез четыре дня назад. После восемнадцати дней пребывания у Тарантоги.

Альфен. И перед этим не подал никакого знака, никакого сигнала?

Гальт. Ничегошеньки.

Альфен. А что-нибудь характерное, чего требовал от него профессор?

Гальт. Пожалуй, ничего. Он делал выписки, приносил книги из университетской библиотеки... То да се. Ах да... Впрочем, это мелочь...

Альфен. В нашем деле нет мелочей. Слушаю.

Гальт. Профессор просил его изменить прическу. Он носил пробор, а профессор хотел, чтобы он зачесывал волосы назад.

Альфен. А! Так я и думал! Прекрасно! Еще что-нибудь?

Гальт. Да. Если вы хотите знать даже такие мелочи: у него была стальная коронка на зубе, тут, на переднем... (Показывает.) Профессор посоветовал сменить ее на фарфоровый зуб. За свой счет.

Альфен (поражен, пытается это скрыть). Да!.. Хм... После его исчезновения было новое объявление?

Гальт. Нет. А, впрочем, может быть, в сегодняшних газетах... (Начинает искать.) Есть! Есть! "Известному ученому срочно нужен молодой, очень способный человек, с всесторонними музыкальными, художественными, литературными интересами, умеющий хорошо рисовать, со способностями к конструированию механических моделей и изобретательской жилкой. Преимущество имеют кандидаты, владеющие итальянским языком, с темными волосами и интенсивно темными глазами. Обращаться..." Опять! Опять! Этот Тарантога, это чудовище в гроб меня сведет! Я из-за него работу потеряю!

Альфен. Успокойтесь, Гальт! Я сказал, что уже кое-что понял.

Гальт. Так говорите же, Альфен! Чего вы ждете?

Альфен. У вас найдется какая-нибудь энциклопедия? О, вон там стоит. Дайте, пожалуйста, том на букву "Н".

Гальт подает. Альфен листает, находит портрет Исаака Ньютона во всю страницу, рядом кладет фотографию Ричарда Факстона. В прическе, в строении лица - поразительное сходство. Поскольку Факстон появляется в дальнейшем, снимок должен быть фотографией актера, исполняющего его роль.

Альфен (победно). Видите?

Гальт. Действительно! Подретушировал фотографию, чтобы она была похожа на портрет Ньютона! Как вы догадались? И что это значит?

Альфен. Детектив - это прежде всего пронизательность! Они поразительно похожи. Я думаю, порывшись в энциклопедии, мы отыскали бы портреты и других известных исторических личностей, под которых профессор "подгонял" своих секретарей...

Гальт. Ну хорошо, но зачем? Зачем, я вас спрашиваю?!

Альфен. По сути это очень просто. Профессор не в своем уме. Его мания - ненависть к знаменитым людям: Ньютону, Шекспиру и другим. Однако их нет в живых уже сотни лет и он ничем не может им напакостить. Что же он делает? Ищет людей, похожих на них хоть поверхностно, увеличивает подобие, требуя изменить прическу, отрастить бороду, усы, носить парик, а когда добивается максимально желаемого эффекта, когда перед ним появляется двойник ненавистного гения - убивает его!! Понимаете?

Гальт. Убивает... Понимаю. Вы... феноменальны, Альфен!

Альфен. Я это уже слышал.

Гальт (немного остыв). Ну хорошо, но... что он делает с трупами?

Альфен. Я не ясновидец. Я приехал двадцать минут назад. По-вашему, я должен вынуть из кармана неопровержимые улики против профессора?

Гальт. Нет, это я так... Альфен, но он никому не приказывал отпускать бороду или усы...

Альфен. Нет?

Гальт. Нет. Что вы скажете на это?

Альфен (барабанит пальцами по столу). Ну и что же? Хм... А! Ясно! Ну, конечно... Он не приказывает отпустить бороду или усы, потому что наклеивает им искусственные, - надевает же он им парики! Если бы они выходили из дому с отрастающими бородами, это обратило бы на них внимание. Поэтому он избрал другой путь, более безопасный - гримировку!

Гальт. Да! Это возможно! Я немедленно прикажу разыскать парикмахера, работающего на Тарантогу. А что дальше?

Альфен. Я вам скажу, что дальше. Профессор ищет молодого человека с темными волосами и глазами, знающего итальянский, умеющего рисовать... Как вы думаете, я подойду?!

Гальт. Что? Вы хотите... сами?!

Альфен. Я пойду к нему сегодня же. Лучше всего - сейчас. У вас не найдется пистолета? Я не прихватил с собой ничего.

Гальт. Пожалуйста...

Открывает ящик, полный оружия. Альфен примеряет к руке парабеллум, браунинги, подбрасывает, ловит, наконец, прячет один пистолет в задний карман брюк, второй – плоский маленький – в карман пиджака, а третий, большой, помещает в специальной кобуре под левой рукой.

Альфен. Ну так... Я не силен я живописи, но это... и вот это... заменит мне кисти. А кастета у вас нет?

Гальт. Найдется. Может, резиновую дубинку?

Альфен. Чересчур велика. Достаточно кастета. (Берет у Гальта.) О, этот подойдет. Какая приятная тяжесть! Хорошо. Иду!

Гальт. Успеха, Альфен! (Провожает его к двери.) Ну и история...

Стук. Входит полицейский.

Полицейский. Господин инспектор, поступило сообщение от радиоавтомобиля номер шесть. Они установили контакт с фельдшером, к которому ходили все исчезнувшие. Он им ничего не делал, только провожал в поликлинику. Всегда по пятницам.

Гальт. Они ходили в поликлинику? Зачем?

Полицейский. Делать прививки. Тут это написано (читает с листа): "Черная оспа, чума, холера, тиф, туберкулез, малярия, дизентерия и сонная болезнь". Им делали эти прививки.

Гальт. Прививки? Всем?

Полицейский. Так точно, господин инспектор.

Гальт. Но зачем?

Полицейский. Наверно, чтобы не заболели...

Гальт (бежит к двери). Альфен! Альфен!

Полицейский. Господин старший инспектор уже вышел, господин инспектор.

2

Кабинет Тарантоги. Рабочая комната ученого: старый письменный, стал, кресла, уставленные книгами полки. Тарантога и Альфен. Оба сидят.

Тарантога. Молодой человек, ожидая в гостиной, вы видели, что пять кандидатов покинули мой дом, так как условия, которые я ставлю, оказались им неприемлемыми. Я вам их изложил. Могу предложить вам славу уходящего века, вы станете необыкновенным человеком, ваше имя станет известно многим поколениям, но с другой стороны, я говорю это открыто: ваша жизнь будет трудной и полной лишений. Прежде всего вам придется отказаться от всех благ цивилизации, затем вас будут преследовать власть имущие, однако вы найдете и сильных покровителей. Одним словом, венец, которым судьба при моем посредничестве увенчает вас, будет из прекрасных роз с острыми шипами. Принимаете ли вы мое предложение?

Альфен. Так точно, господин профессор, принимаю.

Тарантога. Подумайте как следует. Ибо, если вы решитесь, возврата не будет. Я вывел уже многих ваших предшественников на подобные жизненные пути и до сих пор ни разу не ошибся. С другой стороны, я должен быть осторожным. Судьба возложила на меня миссию, за выполнение которой я отвечаю перед человечеством. Я обязан исполнить ее до конца. Вы – один из тех, от кого будет зависеть будущее мира. Но прошу помнить о колоссальных трудностях, о которых я говорил... Кроме того, вы еще будете подвергнуты испытанию...

Альфен. Какому испытанию, господин профессор?

Тарантога. Сначала вы должны дать согласие и заверить меня в своей честности честным словом порядочного человека. Я слушаю.

Альфен. Соглашаюсь и даю вам честное слово.

Тарантога. Прекрасно. Теперь так. Я требовал таланта художника. Вы говорили, что он у вас есть.

Альфен. Я умею рисовать. Разумеется, умею.

Тарантога (вытаскивает из-за шкафа копию "Джоконды" Леонардо да Винчи в

натуральную величину). Посмотрим. Убедимся. Извольте взять этот портрет и сделать копию. Мольберт, холст, кисти и краски вы найдете в приготовленной вам комнате...

Альфен. Я должен начать немедленно?

Тарантога. Похвальное рвение. Но, может быть, у вас есть еще какие-нибудь дела в городе?

Альфен. Благодарю. Действительно, я охотно воспользуюсь вашим предложением...

Выходит. В дверях расходитяся с кухаркой Меланьей.

Меланья (профессору, когда Альфен вышел). Господин профессор, он мне не нравится.

Тарантога. Ну, ну... И почему же, дорогая моя Меланья?

Меланья. У него из глаз злом бьет. Господин профессор, уже одиннадцать, вы приказали напомнить, что в одиннадцать должны встретиться с господином Куломбом.

Тарантога. Не с Куломбом, Меланья, а с Колумбом. С Христофором Колумбом, тем, что открыл Америку... Иду... иду...

Меланья. Можно сделать суп со спаржей?

Тарантога. Можно, Меланья... А может быть, ты все-таки согласилась бы стать Лукрецией Борджа? Жила бы среди пап и кардиналов...

Меланья. Э-э, господин профессор, зарядили одно и то же. А кто будет вам готовить? Нет уж, Бог с ними, с этими папами.

Оба выходят. В комнату проскальзывает Альфен, быстро подходит к столу, набирает номер телефона.

Альфен. Алло! Это вы, Гальт? Что? Я принят, да. Будьте спокойны. Если вам захочется позвонить, скажите, что говорит Том, мой товарищ по институту. Да, у меня к вам дело. Старик дал мне скопировать портрет Джоконды Леонардо да Винчи. Ну да, хочет проверить, как я рисую... Не знаете? Этакая улыбающаяся бабенка. Так прикажите немедленно сделать хорошую копию! Я возьму утром. Что? Нет, это должна быть совершенно свежая работа, он может догадаться, краски должны быть еще влажными... Что? Прививки? Э... это наверняка только для отвода глаз. Слушайте, мне кое-что пришло в голову. Проверьте состояние банковского счета профессора. До свидания! Будьте спокойны, я его вам приведу как миленького.

В кабинете Тарантога и Альфен. На мольберте - две Джоконды.

Тарантога. Ну, что ж. Недурно. Совсем недурно, молодой человек. Я вами вполне доволен! Правда, чувствуется некоторая спешка, но ведь это проба. А вам следует знать, что вы сами, да, сами, собственными руками будете выполнять оригинал. Хе... хе... интересно, не правда ли? Вас не удивляют мои слова?

Альфен. Нет, почему же... Я... удивлен... немного...

Тарантога. Сейчас все поймете. Прошу за мной!

Выходят. Коридор, дверь белая, потом черная, останавливаются перед ней. Тарантога начинает один за другим открывать многочисленные замки, Альфен стоит позади, проверяет, где у него пистолеты, вынимает один и тут же прячет.

Тарантога. Дверь черная, видите? Я специально приказал ее так покрасить. Хе-хе...

Альфен. Да? Вам нравится этот цвет?

Тарантога. Не очень, но вам следует знать (входя в комнату), что полиция подозревает меня в убийствах! Они считают меня душегубом, каким-то Джеком-Потрошителем! Так вот, преступных наклонностей у меня нет, а полицию разочаровывать не хочется, поэтому, чтобы хоть немного ее удовлетворить, я приказал покрасить дверь в черный цвет...

Альфен. Полиция вас подозревает? Не может быть! Это же глупо!

Тарантога. Все зависит от точки зрения. Бедняги, у них только одно на

уме: трупы, кровь, скелеты... А они случайно не обращались к вам, когда вы шли ко мне?

Альфен. Простите, кто?

Тарантога. Молодой человек, надо быть сообразительнее! Тот, кого вам придется изображать, был гением. Мы говорили о полиции, стало быть, я спрашивал, не застукал ли вас какой-нибудь агент, не пытался ли уговорить капать на меня...

Альфен. У вас какие-то странные выражения... Нет, никто не обращался...

Тарантога. Удивительно. А что касается странности, то у меня с утра до вечера в доме полиция. Тут уж хочешь не хочешь, а перейдешь на их стиль. Цельми днями хозяйничают в подвалах, гаражах, мне их даже немного жаль. Подкинуть бы им какую-нибудь кость, ведь они именно их ищут, уж так хотят найти, но не могу же я ставить под удар Великое Дело, мою Миссию... Одному бедняге пришлось сидеть под дождем трое суток. На пожарной лестнице!

Альфен. Не может быть!

Тарантога. Видимо, был у него такой приказ. Могли хотя бы зонтик дать, ведь лило как из ведра. Наверняка схватил простуду. Ну, вот... это тут. Это - моя Черная комната, господин... простите, как вас зовут?

Альфен. Браун. Алек Браун.

Тарантога. Правда, правда. Никакой памяти на имена. Ну-с, закроем эту дверь... (Подходит к окну.) Ого, судья Бруммер со своим биноклем уже на посту.

Альфен. Как вы сказали?

Тарантога. А! Выживший из ума пенсионер. За неимением лучшего занятия шпионит за мной. Честное слово, когда вот так изо дня в день у тебя в доме разбирают стены и подвалы, заглядывают в кастрюли, пытаюсь выяснить, не варится ли там случайно студень из ассистентов, порой так и хочется бросить все это, но долг, молодой человек, долг перед человечеством! Чтоб с ним было, если бы не я? Великий Боже! Нет, я вынужден продолжать свое дело, пусть даже на это потребуется еще десять лет.

Альфен осматривается. Комната почти пуста. На стене большие электрические часы. У окна, невидимый с улицы, небольшой аппарат, подключенный к электророзетке. На полу - ковер, в центре ковра вырезанный из бумаги белый диск с большим кругом, похожим на мишень. Около аппарата приспособление, несколько напоминающее корабельный машинный телеграф: ручка, диск, на нем надписи: "ВПЕРЕД" - "НАЗАД". В середине "СТОП". Деления: там, где "СТОП", стоит НОЛЬ, слева, где "НАЗАД" - надписи: век XIX, XVIII и так далее. Около стены небольшой табурет, полки с книгами, столик, на нем средневековый рыцарский шлем, песочные часы, тюбики с краской и кисти.

Тарантога. Интересуетесь кистями? Это для Рембрандта. Он забыл их захватить. Ну не будем отвлекаться на мелочи. Дорогой господин Браун, тайна моя чрезвычайно проста. Вот мое изобретение - приспособление для передвижения во времени! Понимаете? Для путешествия во времени.

Альфен. Для путешествия во времени? И это вы изобрели?

Тарантога. Да. Но не будем останавливаться на технических подробностях. Машина, я назвал ее хрономатом, действует одинаково в обе стороны, как в будущее, так и в прошлое. Я могу выслать любого человека как в средневековье, древнюю эпоху или еще дальше, так и в эпохи, которые еще должны наступить. Эта комната, молодой человек, уже видела много пассажиров времени! И вы будете одним из них! А знаете ли вы, зачем я выслал и высылаю таких энергичных и смелых юношей в прошлое? Для блага человечества!

Альфен. О, в этом я не сомневаюсь! Не сомневаюсь!

Тарантога. Мне и в голову не приходило, когда я это изобрел, какие на меня свалятся хлопоты, сколько будет забот: и финансы, и осложнения с полицией, но не в этом дело, вы пришли сюда не для того, чтобы слушать мое брзжание. Что делать! Свершилось, я изобрел эту машину и теперь должен нести свой крест!

Стук в дверь, голос Меланьи.

Меланья. Господин профессор, господин декан просят вас к телефону.
Тарантога. Декан? Ах да! Простите, господин Браун, я оставлю вас на минуту. Только, пожалуйста, не трогайте ничего!
Альфен. Можете быть спокойны...

Профессор уходит. Альфен подходит к аппарату.

Альфен. Неужели правда, что столько людей клюнуло на эту липу?

Нажимает рычаг. Легкое жужжание, больше ничего. Нажимает рычаг до конца. Стрелка опускается и останавливается на надписи. "ПЕЩЕРНЫЙ ПЕРИОД". Альфен замечает, что аппарат присоединен проводом к чему-то очень похожему на электрокамин с круглым рефлектором. Спираль в центре рефлектора, нацеленного на белый круг на ковре, довольно ярко светится. Альфен, чтобы заглянуть в рефлектор, становится напротив него и оказывается на белом круге. С ним начинается твориться что-то странное. Он ссутуливается, глаза вылезают из орбит, всей фигурой он уподобляется огромной обезьяне, напрягается, делает несколько шагов, руки повисают, словно на них стокилограммовые бицепсы, ноги стгибаются в коленях. Он начинает глухо урчать, бить себя в грудь кулаком. Дверь открывается, входит Тарантога, быстро соображает в чем дело, бежит к аппарату, устанавливает указатель на НОЛЬ. Альфен приходит в себя. Будто просыпается. Трясет головой, выпрямляется, оглядывается по сторонам.

Альфен. Мне показалось, что вы выходили... (Он как в тумане, но это быстро проходит.)

Тарантога. Нельзя прикасаться к аппарату, юноша! Я же вам говорил! Извольте слушать... Как вы себя чувствуете?

Альфен. Прекрасно, а что?

Тарантога. Ничего, ничего. Перехожу к объяснению вашей задачи.

Альфен. Я весь - внимание, господин профессор.

Тарантога. Вы должны знать, что я с малых лет восхищался великими людьми, такими гениями, как Архимед, Эсхил, Джордано Бруно, Ньютон, Кеплер и сотнями им подобных. Если бы не они, не развилась бы цивилизация!

Альфен. Естественно!

Тарантога. Так вот, получив в руки такую возможность, я решил посетить этих мудрецов и гениальных художников. Я не хотел сразу отправляться в очень отдаленные эпохи: путешествия во времени несколько отражаются на организме - решил начать с Томаса Эдисона. Это было проще, не надо специально переодеваться. Парики, тоги, туники, ну сами знаете...

Альфен. Так, так! Ну и что? Как вам понравился Эдисон?

Тарантога. Юноша! Знаете, кого я нашел? Абсолютного болвана, лентяя, все его интересы - мелкие карманные кражи. Телефон? Граммофон? Динамо-машина? Ах, об этом нечего было и говорить! Он разбирался в технике, как обезьяна в симфониях! О, какой шок, какое отчаяние!

Альфен. И это был Эдисон?

Тарантога. Увы! Потом я проделал другие путешествия и был потрясен до мозга костей и разочарован: Гете был достоин Данте, Данте - Стефенсона, а все разом ломаного гроша не стоили! Когда, совершенно измотавшись, я вернулся из прошлого в настоящее, меня осенило! Вот она - моя Миссия!

Альфен. Вот как! Вы возненавидели этих глупых гениев?

Тарантога. Нет. Чего ради я бы стал их ненавидеть? Я думал уже не о них, а о человечестве! Ведь я знал, что Ньютон должен открыть закон тяготения, Кеплер - законы движения планет, Коперник - законы движения Земли. Я знал, что должны быть написаны "Божественная комедия", произведения Шекспира, Горация, иначе не возникнет наша цивилизация! Поэтому, чтобы спасти престиж и славу великих ученых, артистов, художников, сбросить всю историю человечества, я решил...

Стук в дверь.

Тарантога. Что там?

Голос Меланьи. Вы приказали напомнить, что в двенадцать у вас встреча с господином Ньютоном...

Тарантога. А, верно! Что, уже двенадцать? Заговорился... Дорогой господин Браун, позвольте покинуть вас на полчаса? У меня важная встреча...

Альфен. Разумеется, разумеется. Весьма охотно. У меня как раз дело в городе...

Тарантога. Вот и прекрасно. Итак, до встречи...

Альфен выходит.

Альфен (в телефонной будке). Алло, это вы? Да, это я. Ну конечно, он совершенно спятил, я так и думал. Что? Ему кажется, что он создал машину для путешествия во времени. Неплохо, верно? Такой профессор если уж спятил, то спятил! Что? Машина? Вообще не действует! Я ее испробовал! Нет. Что он делает с трупами? Еще не знаю. Но узнаю – наверно, сегодня же. Как там его банковский счет? Что? Увеличивается после каждого исчезновения? Как? Не слышу! Не может быть! Уменьшается, говорите? Он все время только снимает со счета? Может, он помещает добычу где-нибудь в другом месте? Нет? Хм... Я немедленно к вам приеду, надо посоветоваться...

3

Черная комната. Профессор Тарантога у машины времени. Настраивает аппарат. Запускает его. Зуммер, загорается "рефлектор". Профессор сидит неподвижно, держа руку на рукоятке, как капитан корабля. В центре комнаты (съемка разными камерами) появляется королевское ложе под балдахином, около ложа – король Генрих IV готовится ко сну. Снимает корону, горностаевую мантию, внезапно замирает, увидев профессора.

Король. Кто ты?! Откуда ты?! Стинь, сатана!!

Тарантога. Ох... вы – король? Ради Бога, простите. Ваше Королевское Величество, это ошибка...

Король (отступая). Ты – человек? Слуги! Предательство! Тать в моей комнате! Эй, стража! На помощь! Король в опасности!

Слышен далекий топот.

Голоса. Где король?!

– Король!!

– Что случилось?!

– Нападение?!

Тарантога. Но, сир, я вовсе не преступник, это ошибка, ей-богу, простите меня.

Король. В колодки закую, в яму брошу, стиньешь либо крыс телом своим откормишь, ничтожество плюгавое! Посмей только шелохнуться! Сейчас тут будет стража! Ты что, подослан этим паршивцем, королем Франции?!

Тарантога. Ну, я вижу, нам не о чем говорить. Простите, Ваше Королевское Величество. Извольте считать, что это был сон, лишь сон. Прощайте!

Выключает аппарат. Король исчезает, разом наступает тишина.

Тарантога. Уф!.. Ну и история! Рука дрогнула, стрелка перескочила. Который это был Генрих? Третий или Четвертый? Пожалуй, Четвертый! Ну, что делать, придется еще раз!

Нажимает рычаг. Появляется средневековый стол, табурет, на нем Ричард Факстон в одежде Ньютона, длинные завитые волосы. Он пишет что-то гусиным пером на пергаменте. На столе подсвечник с горящими свечами.

Тарантога. Наконец-то! (Громче.) Коллега Факстон!..

Факстон (вздрагивает). Что-то мне померещилось... (Продолжает писать.)

Тарантога. Это я, коллега Факстон!

Факстон (вскакивает). А, это вы, господин профессор!

Тарантога. Простите за опоздание. Ну, как? Нашли вы наконец Ньютона?

Факстон. Да. (Показывает синяк и подбитый глаз.) Вот доказательство.

Тарантога. Он вас побил?

Факстон. Нет, но напоил до бесчувствия. Я искал его четыре дня в обсерватории, а нашел в местном кабаке. Ну и пьянчуга! Вы знаете, почему он так любит смотреть на падающие яблоки?

Тарантога. Закон тяготения?

Факстон. Ничего подобного! Его любимое вино – яблочная наливка.

Тарантога. Вы пытались уговорить его заняться астрономией?

Факстон. Напрасный труд. Если он не слишком пьян и еще может переставлять ноги, его интересуют только юбки.

Тарантога. Ну, хорошо, а закон тяготения...

Факстон. Уж кто-кто, а он-то наверняка не открывал. Вдобавок он вчера на постоялом дворе подрался с матросами, и заодно мне досталось... Я едва убежал.

Тарантога. Стало быть, нет иного выхода – придется вам занять его место!

Факстон. Но как?

Тарантога. Как я вам уже говорил. Вы ему предложите сменить имя. Пусть называется, скажем, Джонатаном Смитом. Тогда вы примите его имя и сможете уже в качестве Исаака Ньютона спокойно работать. Лучше всего, скажу вам, начать сразу. Вот первый том "Сочинений" Ньютона. (Подает Факстону толстый том.)

Факстон. Зачем? Я и так наизусть знаю законы Ньютона.

Тарантога. Конечно, но вы не имеете права формулировать их своими словами. Необходимо переписать все от "а" до "я"! Иначе не будет "Сочинений" Ньютона!

Факстон. От руки! Но это ужасно, профессор! Вы не представляете себе, что значит писать гусиным пером!

Тарантога. Что делать, дорогой. Не станете же вы пользоваться в семнадцатом веке пишущей машинкой!

Факстон. Боюсь, будут сложности.

Тарантога. Думаете, он не согласится? Почему?

Факстон. Согласиться-то он согласится. Он собственную бабку за деньги зарежет. Боюсь, он заломит такую цену...

Тарантога. Торгуйтесь. Так или иначе – вы должны занять его место. Законы тяготения должны быть открыты! Я постараюсь раздобыть еще немного ценностей. Продам акции и куплю бриллианты. Вы сможете обменять их на ходовую валюту. Но прошу не транжирить... Дело не в скупости, просто у меня колоссальные расходы...

Факстон. Что такое?

Тарантога. Кант подписал фальшивый вексель – придется выкупать. Коперник даже слышать не хочет о том, что Земля вращается вокруг Солнца, – талдычит, что это противоречит теологии! А знаете ли вы, во что мне стало уговорить Колумба открыть Америку? Только что, час назад, просто жилы из меня вытягивал – ужас! А знаете, что сделал Пифагор, эта свинья? И я, я один должен заменить всех этих ослов! Эсхил уже готов. Данте тоже согласился, но у меня нет даже кандидата на Конфуция, этот ужасный китайский язык, сами понимаете... Да тут еще Галилей соблазнил дочь своей хозяйки, алименты, разумеется, платить должен я. И пока все это не уляжется, ваш коллега не может занять его место! А ведь без Галилея не будет современной физики! Ужас какой-то...

Факстон. А как с Леонардо да Винчи?

Тарантога. Я уже завербовал кандидата, но он больно уж нерасторопный, да и Меланье не нравится, а у нее интуиция; Джоконду он, правда, написал недурно, посмотрите. (Показывает портрет.) Однако что-то мне в нем не нравится.

Факстон. Может быть, это агент?

Тарантога. Вы думаете? Но зачем такие штуки? Почему бы им не прийти и не спросить у меня прямо? Я сказал бы, разумеется, при гарантии сохранения служебной тайны. В конце концов, речь же идет о человечестве! Хм... Агент, говорите! Возможно. Может быть, он не так глуп, как прикидывается. И карманы у него какие-то оттопыренные и тяжелые. Ну ладно. Придется

применять меры предосторожности.

Факстон. А что делает Кинсель?

Тарантога. Кинсель? Который это? Пастер?

Факстон. Нет. Он должен был отыскать Шекспира...

Тарантога. А-а! Хорошо, что напомнили! Целая история! Кинсель и еще двое моих людей переворосили всю Англию шестнадцатого века, и ни следа! Его вообще не было, понимаете?

Факстон. Как это не было?

Тарантога. Не было его, и все тут! Он вообще не существовал, не жил - никогда!

Факстон. Но как же вы поступите?

Тарантога. Я просто посадил Кинселя переписывать все трагедии, комедии и сонеты подряд. Он будет издавать это под именем Вильяма Шекспира.

Факстон. Логично, ведь историки так и не выяснили ни того, как Шекспир в действительности выглядел, ни подробностей его биографии. Говорят, произведения Шекспира писал Бекон... Неизвестно, где его могила. Ну, ясно, раз он не жил, то некого было и хоронить. Только, профессор, откуда же в таком случае взялись драмы? "Гамлет"? "Отелло"? И все остальное?

Тарантога. Ну как откуда? Кинсель там, в шестнадцатом веке, сидит и переписывает, я дал ему два первых тома, остальное лежит тут, на полке... Ждет его...

Факстон. Ну да, Кинсель переписывает, это понятно, но откуда взялись сами драмы?

Тарантога-А вот он перепишет в шестнадцатом веке, потом там издаст, и так это наследие доживет до наших дней, то есть до моих, потому что вы-то останетесь Ньютоном. Это решено.

Факстон. Но я спрашиваю, не кто переписывал, а кто написал, кто выдумал?

Тарантога. Перестаньте! А кто выдумал законы Ньютона? Тарантога должен вам отвечать на все загадки истории? Мало того, что я делаю? Мы не можем себе позволить роскошь распутывать такие вопросы, важно, чтобы все ценные произведения и плоды труда гениев возникали в соответствующем времени и месте!

Факстон. Вы правы. Ну, мне пора, я договорился на четыре с Ньютоном.

Тарантога. В кабаке?

Факстон. А где еще? Наверное, опять придется вытаскивать его из канавы. Нет, не так я себе это представлял, господин профессор!

Тарантога. Я тоже не так, даю слово! Но, Факстон, все это для блага человечества! Подумайте, если бы не вы, не ваши коллеги, эти благородные юноши, мы до сих пор лазили бы, как человекообезьяны по деревьям!

Факстон. До свидания, профессор. Жду бриллиантов.

Тарантога. Хорошо. Желаю удачи, дорогой Факстон!

Тарантога хочет передвинуть ручку на НОЛЬ.

Факстон (кричит). Минуточку, профессор! Я кое-что вспомнил! Вы знаете, что я заметил? Ньютон совершенно не похож на свои портреты...

Тарантога. А что тут странного? Ведь это Вы будете там настоящим Ньютоном, это Вы войдете в историю, это Вы сделаете великие открытия, а он умрет в каком-нибудь закоулке от горячки под именем Джонатана Смита! Все, до свидания!

Выключает. Факстон исчезает.

Тарантога. Ну, слава Богу, с Ньютоном покончено. Так. Но этот Леонардо не вызывает доверия... ох, не вызывает. На всякий случай приготовим ножной выключатель.

Берет плоский звоночный выключатель, кладет под ковер кнопкой вверх, провод от выключателя подсоединяет к аппарату. В этот момент внезапно входит Альфен.

Тарантога (поднимаясь). Ну, знаете, молодой человек, могли хотя бы постучать.

Альфен в шляпе, в плаще, застегнутом по шею, с поднятым воротником, рука в кармане. Через минуту он должен оказаться голым, поэтому он либо уже гол под плащом и камера показывает его только до колен, без босых ног, либо он одет в туфли и брюки; в этом случае ему пришлось бы за какие-то десять секунд скинуть с себя туфли, брюки и плащ, а это рискованно, и потому лучше уж не создавать себе трудностей. Впрочем, это на усмотрение режиссера.

Альфен. Не думаю, чтобы по отношению к вам это было бы недопустимо.

Тарантога. О-го-го! И в шляпе... Вы невежливы, знаете ли.

Альфен. Кончайте комедию.

Тарантога. Что я слышу?

Альфен. Стоять! Ни с места! Не подходить к этому аппарату! Руки вверх!

Тарантога. А если не подниму, тогда что?

Альфен. Вот что! (Вынимает пистолет.) Руки вверх, говорю! Буду стрелять!

Тарантога поднимает руки вверх. Альфен прячет пистолет в карман.

Тарантога. Вы - полицейский, нарушающий честное слово...

Альфен. А вы - преступник!

Тарантога. Что я слышу? (Опускает руки, нажимает ногой кнопку выключателя. Жужжание. Рефлектор загорается.)

Альфен. Стоять! Ни с места! Не подходить к этому аппарату! Руки вверх!

Тарантога. А если не подниму, тоща что?

Альфен. Вот что! (Вынимает пистолет.) Руки вверх, говорю! Буду стрелять!

Тарантога поднимает руки вверх. Альфен прячет пистолет, как и в прошлый раз.

Тарантога. Вы - полицейский, нарушающий честное слово...

Альфен. А вы - преступник!

Тарантога. Что я слышу? (Опускает руки.)

Альфен. Стоять! Ни с места! Не подходить к этому аппарату! Руки вверх!

Тарантога. А если не подниму, тогда что?

Альфен. Вот что! (Вынимает пистолет, все повторяется.) Руки вверх, говорю! Буду стрелять!

Тарантога. Вы - мошенник!..

Альфен. А вы - преступник!..

Тарантога. Что я слышу?

Второй раз нажимает выключатель ногой. Альфен замарает с пистолетом в руке, словно окаменев.

Тарантога. Ну, как вам понравился так называемый замкнутый круг времени? Какое у вас глупое выражение лица! Вы ничего не понимаете? А это проще простого! Я пустил машину так, что один и тот же момент времени повторяется, словно на испорченной пластинке! И теперь там, где вы остановились, время застыло, и поэтому вы не можете пошевелиться... Дорогой мой Браун, или, точнее, мой не особенно умный полицейский! Вы не ходите в Леонардо да Винчи. Но это ничего. Я нашел для вас другую, не менее почетную, хотя и гораздо более легкую карьеру. Как вы знаете, у человечества кроме гениев, известных из истории, были еще и гении анонимные. Например, те, что в доисторические времена, полмиллиона лет назад, в глубине пещер рисовали на скалах бизонов и сцены охоты! Вы станете одним из величайших пещерных художников, так сказать, неандертальский Леонардо да Винчи! Но прежде чем выслать в эти древние времена, я вынужден вас разоружить и соответственно преобразить, чтобы вы не вызвали там публичного скандала. Как бы это сделать? Знаю! Наверное, часов около восьми утра вы встали с постели и пошли в ванную принять душ; поэтому поставим восемь утра. Вот так... И та-а-ак!

Профессор манипулирует рычагами, очень медленно и столько времени, сколько нужно, чтобы Альфен успел раздеться: он наг и бос, на нем только узкая повязка или плавки. Он стоит неподвижно, в той же позе и на прежнем месте.

Тарантога. Ну, вот! Впрочем, еще кое-что... (Подходит к Альфену и повязывает ему бедра куском шкуры, делая что-то вроде повязки а-ля Тарзан. В руку вкладывает рулон бумаги.) Тут нарисован бизон. Вам придется его копировать. Ну, дорогой полицейский, пришла минута расставания! Прощайте! Желаю удачи!

Одновременно поворачивает рукоять на "ПЕЩЕРНЫЙ ПЕРИОД". Стрелка электрических часов на стене начинает вращаться. В предыдущей мизансцене, когда часы отступали на восемь утра, их изображение могло бы заполнить время, необходимое Альфену, чтобы раздеться. Теперь стрелка крутится, словно пропеллер.

Тарантога. Пятьсот сорок тысяч лет до нашей эры... Пожалуй, достаточно...

Альфен постепенно изменяется, горбится, выпячивает грудь, делается похож на гориллу – согнутые в коленях ноги, голова вобрана в плечи; начинает корчить рожи и бить себя кулаком в грудь.

Тарантога. Превосходно! Всего хорошего!

Выключает аппарат. Альфен исчезает. Стук в дверь. Входит Меланья.

Тарантога. Что такое, дорогая моя Меланья?

Меланья. Господин профессор, пришел какой-то господин. Хочет войти. Похоже, он пришел с тем молодым человеком и ждал на улице, но не дождался и хочет войти!

Тарантога. Ах, вот как! Ну, что ж, хорошо. Сейчас мы его попросим. Хм... Куда бы его выслать? Правда, есть множество свободных мест – разве нам не нужны Атилла, Чингисхан, Ганнибал и тысячи других? Понемногу вышлем всю полицию, дорогая моя Меланья, потому что, следует тебе знать, чрево времени бесконечно и поместит в себе всех.

Меланья. Так просить?

Тарантога. Сейчас. Может быть, сначала проверим, как там поживает так называемый Браун? Сидит он сейчас в нижнем палеолите. Так... Поставим, понимаешь ли, Меланья, стрелку так, чтобы увидеть его спустя десять лет после того, как я его выслал. Проверим, чего он добился за это время...

Включает аппарат. Появляется внутренность пещеры – одна стена, слабо освещенная дражайшим светом как от невидимого костра. Альфен в меховой повязке кончает рисовать огромного бизона. Рядом сидит на корточках по возможности растрепанная, перемазанная, одетая в большую медвежью шкуру, но несмотря на это красивая девушка – Пещерная красotka.

Альфен (кончает рисовать, поворачивается к ней). Хе-хе... Моя – художник, моя – сильный... Моя – убивать мамонта... Твоя – быть самочка моя художник... Хе-хе...

Тарантога. Прекрасно рисует, честное слово! Что делает адаптация к местным условиям.

Альфен. Самочка... самочка идти к художнику...

Альфен пытается ее обнять. Красotka сильно его отталкивает.

Альфен (ворчит). Гррр... грр... Самочка хотеть еще одна бизон? Художник нарисовать... Художник дать... Но самочка тоже дать... Э? Художник сильный... красивый... (Бьет себя в грудь.)

Тарантога. Ну, этих можно, пожалуй, оставить. (Выключает аппарат, они исчезают.)

Меланья. Э-эх, у господина профессора вечно одно озорство на уме.

Тарантога. Прошу тебя, Меланья, не говори о вещах, в которых ты не разбираешься. Без пещерной живописи не было бы живописи вообще.

Меланья. А я разве что-нибудь говорю? Так просить того господина?

Тарантога. Ах да! Совершенно забыл! Проси, немедленно проси!!!